

Елена Рахманова

Городская
романтическая
Комедия

Цап-царап,

МОЯ
радость

Елена Рахманова

Цап-царап, моя радость

«Центрполиграф»

2010

Рахманова Е.

Цап-царап, моя радость / Е. Рахманова — «Центрполиграф»,
2010

На пороге подъезда под ноги Артему Прохорову метнулась трехцветная кошечка. Жалость взяла верх над благоразумием – так и появился в его квартире новый жилец. Мурка мигом освоилась на новом месте и даже стала причиной ухода домработницы, которую сменила тихая провинциалка Лина Кузнецова. Она не походила на подружек Артема – амбициозных и самовлюбленных девиц. Правда, Прохоров предпочитал, чтобы даже они не задерживались в его жизни. Он не учел только, что у Мурки может быть собственное мнение об устройстве личной жизни хозяина...

© Рахманова Е., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Рахманова

Цап-царап, моя радость

Посвящается Т. Д. П.

Глава 1

Он поставил свою темно-зеленую «мазду» на охраняемую стоянку возле дома и посидел пару минут, прикидывая, доставать зонт или нет. Судя по редким каплям на ветровом стекле, дождь слегка накрапывал. Правда, накрапывал он уже давно, и мокрый асфальт красиво поблескивал в свете уличных фонарей.

«Не сахарный, не размокну», – решил Артем Прохоров и вылез из машины. Аккуратно обходя неглубокие пока еще лужи, он направился к освещенному подъезду и почти уже достиг спасительного козырька, как вдруг какая-то серая тварь молнией метнулась ему прямо под ноги. От неожиданности и инстинктивного опасения, что это какая-то особо наглая крыса, Артем резко отшатнулся, едва не потеряв равновесие на скользком асфальте. Но, приглядевшись, он понял, что перед ним отнюдь не серая крыса, а трехцветная кошечка – небольшая и изящная.

Поняв, что обратила на себя внимание молодого человека, кошка выгнула спину наподобие вопросительного знака и подняла хвост трубой. Затем на прямых лапах, словно подбрасываемая невидимой пружиной, скакнула несколько раз боком, исключительно точно минуя лужи.

– Ну ты даешь, киска, – восхищенно покачал головой Артем. – Совсем как кот из диснеевских мультиков. А теперь позволь-ка пройти.

Но кошка сделала вид, будто не поняла его. Более того, подбежала и принялась выписывать восьмерки вокруг его ног, урча, как маленький трактор.

– Эй, пошла вон, – миролюбиво произнес Артем, который терпимо относился к братьям нашим меньшим, и слегка отодвинул кошку ногой.

Однако та словно примагнитилась к его ботинку. «Ну ничего, – подумал Артем. – Прощмыгну в дверь, а ее оставлю снаружи».

Набрав код, он чуть приоткрыл дверь и бочком споро протиснулся в образовавшуюся щель. «Уф», – мысленно произнес он, довольный произведенным маневром. Но уже в следующую секунду увидел кошку, сидящую одним лестничным пролетом выше него. И столько во всем ее виде было невинной радости и искренней благодарности ему, Артему Прохорову, за добрый поступок, что молодой человек просто растерялся.

Взять за шкурку и вышвырнуть кошку под дождь, который вдруг с силой забарабанил по стеклам окон в подъезде, у него бы не поднялась рука – это точно. Что же тогда делать?

Артем призадумался, стоя в вестибюле. Затем вздохнул и стал подниматься по ступеням, очень надеясь, что сейчас выяснится: кошка принадлежит кому-то из жильцов и просто не знала, как попасть обратно домой. Отсюда и ее столь откровенно демонстрируемые радость и благодарность. Только почему тогда она не бросилась опрометью к нужной двери? Что, учитывая пресловутую привязанность кошек к родному очагу, было бы вполне естественно.

Впрочем, создавалось впечатление, что она хорошо знает, что делает. Идя с победно задранной хвостом на три ступеньки впереди Артема и изредка оглядываясь проверить, следует ли он за ней, она не проявляла ни нетерпения, ни излишней суетливости. А когда достигла пункта назначения – коврика перед Артемовой дверью, – села на него, аккуратно поставив передние лапки вместе и обвив их хвостом. Ни дать ни взять статуэтка священной кошки Бас-

тет из отдела древнеегипетского искусства Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

– Вот, значит, как, – задумчиво произнес Артем, внутренне уже готовый к чему-то подобному. – Ты выбрала меня в хозяева и готова осчастливить своим присутствием в моей квартире.

Кошка не мигая глядела ему прямо в глаза.

– А у меня не хотела сперва поинтересоваться, нужна ли ты мне?

Ответа по-прежнему не последовало. Но кошка впервые проявила признаки нетерпения, нервно зевнув и ударив пару раз хвостом по коврику.

В этот момент внизу хлопнула входная дверь и раздались громкие оживленные голоса подростков. Затем кто-то затопал вверх по ступеням. «Выше третьего этажа пешком редко кто поднимается, – быстро сообразил Артем. – Значит, сейчас меня, чего доброго, застанут беседующим с уличной кошкой». А та уже с размеренностью маятника била хвостом по коврику, выражая неудовольствие нерешительностью того, на кого явно возлагала определенные надежды.

– Эх, была не была, – пробормотал Артем и быстро отпер замок ключом, отчаянно пытаясь отогнать мысль, что делает не то, что следует.

Кошка первой оказалась в прихожей. А едва Артем захлопнул дверь, как мимо прогрохотала толпа добрых молодцев и красных девиц. Они остановились у двери напротив, позвонили, перебросились с кем-то парой фраз и с прежними шумом и гвалтом скатились вниз. В глазок Артем успел разглядеть стильно одетых, ухоженных молодых людей, судя по возрасту учащихся старших классов. Огорчало лишь одно: из всех фраз, что довелось расслышать Артему, лишь «Эй, Дашка!» можно было отнести к нормативной лексике.

– Да, я что-то явно пропустил в своем образовании, – пробормотал он и посмотрел на кошку, которая в ответ выжидательно уставилась на него. И было уже неясно, кто хозяин этой квартиры.

Хмыкнув, Артем медленно снял пальто, повесил его в стенной шкаф, переобулся в домашние тапочки, тщательно пригладил волосы перед зеркалом, все это время пытаясь решить, что дальше делать с кошкой, которая теперь разлеглась на полу, не спуская с него янтарных, словно горящих изнутри глаз.

«Вообще-то животное в доме – это хорошо, – принялся убеждать себя Артем. – Особенно трехцветная кошка. Еще покойная бабушка говорила, что такие приносят счастье». Он и так не считал себя обделенным судьбой, следовательно, пестрая кошурка должна была, по идее, превратить его жизнь в сплошной праздник. Да и забот с ней почти никаких – накормить, напоить, устроить на ночлег и изредка почесать за ухом. Вроде бы кошки это любят. Но в основном этим придется заниматься Фриде Яковлевне, домработнице, или, по-современному, помощнице по хозяйству.

Фрекен Бок – так называл ее про себя Артем, имея в виду прежде всего обстоятельство и непреклонность этой достойной во всех отношениях пожилой даме значительных размеров, а потом уже ее фамилию – Бокман. Была она одинока, точнее, не пожелала покинуть родину, где покоились на Даниловском кладбище ее родители и муж, когда дочь с супругом и двумя детьми отбыла на ПМЖ в Канаду.

Поняв, что долгие игнорировать присутствие новообращенной квартирантки нельзя, Артем опустился перед ней на корточки и принялся рассматривать. Кошка лежа потянулась, выпустив и вобрав назад коготки, и снова замурлыкала. Сразу же захотелось почесать гладкое, поросшее белой короткой шерстью пузико. Но Артем отдернул протянутую было руку.

– Нет, прежде всего тебя надо вымыть. И потом, вдруг у тебя блохи?..

Кошка тут же сменила позу и принялась вылизываться, словно хотела убедить его в своей чистоплотности.

– И дать имя, – продолжил Артем. – Как же тебя назвать?

Но на ум, кроме Мурки, ничего не приходило. А банальную Мурку в своей квартире ему держать как-то не хотелось. Кое у кого из приятелей водились кошки или собаки, и, как правило, с многоступенчатой родословной. Вон у друга Лехи одно название породы той стра-холодины, что он выдает за собаку, как внушительно звучит – перро дого майоркин! А тут приبلудная кошка, да еще Мурка. «Помимо достойного имени придется придумать и трога-тельную историю ее появления в моем доме, – решил Артем. – Чтоб слезу вышибало. А то еще не поймут».

Поднявшись, он прошепствовал в кухню, где все сияло чистотой и стояло или лежало на своих местах. Долго выбирал блюдечко, потом нашел непарное ни к одной из чашек, налил в него молока, поставил на сложенную вчетверо газету, а рядом положил нарезанную кусочками колбасу.

Кошка заинтересованно наблюдала за его действиями. Потом, благодарно потершись о его ноги, подошла к еде.

– Ну, смелее, здесь тебя никто не обидит, – подбодрил ее Артем.

Кошка поела не спеша, облизнулась и, оглянувшись на стоящего рядом Артема, вышла из кухни и отправилась обследовать квартиру. Настороженно, пригнув голову к полу, словно ее могли подстерегать неожиданные неприятности.

Первым ей на пути попался кабинет. Артем уселся на диван и принялся с любопытством наблюдать за кошкой. Та вела себя как пантера, вышедшая на охоту в диких джунглях. Но когда она стрелой взметнулась на письменной стол, едва не повалив стоящую на нем фотографию в серебряной рамке, Артем вскочил с негодуящим криком:

– Эй, мы так не договаривались! Сюда лазить нельзя!

Но прежде чем он успел оказаться подле стола, кошка успела соскочить на пол и затаилась под книжным шкафом. Уши прижаты к голове, пасть с маленькими острыми зубками оскалена.

– Вот паршивка! И где ты только воспитывалась? – воскликнул Артем и тут же ответил самому себе: – Хотя известно где: на помойке!

Он поправил фотографию и не отказал себе в удовольствии полюбоваться запечатленной на ней девушкой. Черноволосая красавица призывно улыбалась, чуть прикрыв глаза василько-вого цвета веками с длинными ресницами и приоткрыв пухлые губы. Это была Маришечка, с которой он провел чудный отпуск на Мальдивах. Всего неделю назад вернулся, а кажется, будто это было в прошлой жизни. Нет, не кажется, а действительно в прошлой жизни. Слишком уж эта Маришечка форсировала события. Слов нет, она была хороша собой. Так хороша, что даже на известном курорте, куда новые русские выезжают прежде всего себя показать, а потом уже на других посмотреть, на нее оборачивались и провожали восхищенными взглядами.

Артем чувствовал себя королем, но только до тех пор, пока его пассия не произнесла, подпустив в голос кошачьих мурлыкающих интонаций:

– Если хочешь, чтобы тебе завидовали и дальше, советую более серьезно отнестись к нашим отношениям. А то, не ровен час... – И она многозначительно замолчала, взглянув на него из-под ресниц.

После этих слов ее прелести мигот потеряли всю свою прелесть в его глазах... Зато осталась эта фотография с надписью на обороте, о которой было известно лишь ему одному: «Милому Тимасику, в память о незабываемом пребывании в раю. Люблю, люблю, люблю. Твоя Маришечка».

Вообще-то он предпочитал более завуалированные надписи. Как, например, на пресс-папье в виде бронзовой лилии, покоящейся на мраморной подставке: «А. от Н. Ты один такой на свете».

Всегда можно сказать, что это от благодарного друга, которого он выручил в трудный момент. Он так и говорил, когда спрашивали. А его конечно же спрашивали, рассматривая кол-лекцию всяких милых штучек-дрючек, выстроившихся на письменном столе. Этакая выставка

зримых знаков его побед на сердечном фронте. И ни разу ни у одной из девушек даже не зародилось в душе сомнения, что она для Артема не единственная и не неповторимая. Зато как щекотали нервы ему самому эти безделушки: зажигалка якобы от двоюродного дядюшки, костяной нож для разрезания бумаг вроде бы от кузена, ручка с золотым пером от несуществующей любимой тетюшки, ежедневник в кожаном переплете от сослуживцев, что и не подозревали о таком подарке, и прочее, прочее, прочее, когда он приводил домой очередную знакомую и опускался с ней на диван.

Почему-то кабинет для всяких интимных забав он предпочитал больше, чем спальню. Может, потому, что не относился к своим увлечениям достаточно серьезно, а может, хотел сосредоточить и прошлое, и настоящее своих любовных отношений в одном месте. Кто знает?..

От неожиданности Артем ойкнул и втянул воздух сквозь зубы. Неблагодарная маленькая тварь настолько вошла в образ хищницы на охоте, что преобильно впиалась зубами и когтями ему в пятку.

– Да я тебя!..

Но не успел он обернуться, как кошки и след простыл. Артем успел лишь заметить белый кончик хвоста, мелькнувший в дверном проеме.

А где-то час спустя возникли проблемы посущественнее, чем покормить и напоить. Проблемы прямо-таки диаметрально противоположного свойства. Кошка вдруг уселась посреди коридора, возле двери в туалет, и громко, настойчиво заорала.

Понять, что к чему, для Артема не составило особого труда. А дальше-то что? Предложенный унитаз кошка проигнорировала, не прерывая противных воплей. Тогда он бросился на поиски чего-то подходящего в данной ситуации, заставив себя вспомнить, что он когда-либо слышал о кошках. Наконец в холодильнике отыскался пенопластовый лоток с помидорами, обтянутыми прозрачной пленкой.

Выложив помидоры на стол, Артем нарвал в лоток газеты, поставил в туалет и выжидательно посмотрел на кошку.

Та, казалось, все поняла, перестала орать и подошла к лотку. Брезгливо обнюхала его, удивленно взглянула на Артема, после этого осторожно тронула обрывки газет лапой, словно привыкла к чему-то более подходящему. Затем снова взглянула на хозяина квартиры с таким недоуменным видом, что он тут же почувствовал себя неловко и вышел, прикрыв за собой дверь туалета. Вот тебе и помоечная оборванка!

Четкий и собранный, чего бы это ни касалось, Артем сел за кухонный стол и на специально предназначенном для этого листочке стал писать указания для Фриды Яковлевны. Обычно он уходил до ее появления в квартире и приходил, когда помощница по хозяйству, справившись со всеми делами, уже отбыла домой. Так что общение между ними происходило в дедовском эпистолярном стиле.

Очередная записка, вставленная в специальный магнитный держатель на холодильнике, гласила:

«Фрида Яковлевна, пожалуйста, купите:

- 1) лоток в бежево-коричневых тонах, на худой конец – белый и наполнитель к нему;
  - 2) кошачьи консервы и посуду;
  - 3) шампунь для гладкошерстных кошек;
  - 4) щетку, чтобы шерсть не летала по всей квартире.
- Остальное – по вашему усмотрению. Заранее благодарю.

Артем.

Р. S. Домой приду позже обычного, так что ужин готовить не надо».

Когда часы показали половину двенадцатого, он указал кошке кресло в гостиной, на которое предварительно постелил чистое махровое полотенце, и милостиво разрешил:

– Можешь спать здесь. А не понравится, так на ковре. Полагаю, места тебе хватит...
Изабелл...

Он решил назвать ее именно так, Изабелл, а сокращенно – Бэллочка.

На него что-то навалилось, грозя задушить. Стало нестерпимо душно, воздуха не хватало. В ушах раздавался непрерывный рокочущий гул работающего двигателя...

Артем проснулся весь в поту и не сразу понял, что происходит. Только минуту спустя он разглядел кошку, разлегшуюся у него на груди.

– Ну, это уже наглость несусветная! – сообщил он ей, невзирая даже на то, что кошка, обрадованная, что Артем открыл глаза, заурчала сильнее и попыталась потереться головой о его подбородок. – Вон отсюда немедленно!

Сбросив трехцветную нахалку на пол, он несколько раз глубоко вздохнул, чтобы унять сердцебиение, и пробормотал себе под нос:

– Это ж надо, не каждой девице доводилось здесь ночевать, а эта разлеглась, как барская барыня, со всеми своими блохами в придачу. А обратно, на помойку, не хочешь? – сурово спросил он Изабелл, но не дождался никакой реакции.

А через час все повторилось снова, а потом еще через час и еще... Под утро Артем мог сказать наверняка только, что сам спал в своей кровати, а вот о том, где ночевало его хвостатое приобретение, старался не задумываться. Иначе выходило, что настоять на своем ему вроде как не удалось.

На работу, в крупную фирму, занимающуюся изготовлением и установкой рекламного оборудования, он явился, как всегда, начищенный и наглаженный. Но его помятое серое лицо и круги под глазами заставляли предполагать бурно проведенную ночь, что и не преминули отметить язвительные коллеги. Артем, естественно, дал понять, что так оно и было на самом деле, не вдаваясь в подробности. В противном случае ночь в объятиях уличной кошки могла бы стать поводом для нескончаемого зубоскальства. А кому же хочется выглядеть посмешищем в глазах посторонних?..

Решив никому пока не рассказывать о найденной на улице кошке, Артем вполне сносно провел рабочий день и более чем хорошо – вечер в компании друзей. Они отправились в спортивное кафе – пить пиво и смотреть на огромном экране, установленном над стойкой, международный футбольный матч с участием «Спартака». Наши чуть было не выиграли, и приятели порядком поистратили эмоций, выплескивая их в громких криках и в комментариях по поводу судейства и игры спортсменов обеих команд.

Домой Артем возвращался в благостном расположении духа, что называется, усталый, но довольный. Однако, открыв дверь, он опешил от неожиданности. Перед ним стояла Фрида Яковлевна и взирала на него с глубоким разочарованием и искренним недоумением во взгляде.

– Простите, но я от вас, Артем, такого не ожидала, – только и произнесла она.

– Вы о чем? – растерялся Артем.

– Я – об этом!

Фрида Яковлевна – женщина внушительных габаритов, в английском костюме и с ниткой японского жемчуга на шее – поджала губы и чуть отступила в сторону. Точно за ней с видом ангела, принявшего облик трехцветной молоденькой кошечки, сидела Изабелл.

– Что-то случилось? – встревожился Артем. – Иначе вы вряд ли стали бы меня дожидаться, верно?

– Случилось, – подтвердила Фрида Яковлевна и сопроводила свои слова медленным кивком. – Но прежде позвольте узнать, откуда она у вас взялась.

«Нашел на улице», – чуть было не признался Артем, но вовремя спохватился. Его благой порыв мог не найти отклика в душе фрекен Бок.

– Один... один мой приятель неожиданно уехал в командировку и попросил меня взять Изабелл на время к себе.

– Изабелл! – Фрида Яковлевна презрительно скривилась. – Это невоспитанное животное не заслуживает такого изысканного имени. В лучшем случае Мурка или Муська.

– Может, пройдем в комнату и вы мне обо всем подробно расскажете? – предложил Артем. – А то как-то неудобно стоять в прихожей.

– Хорошо, – согласилась домработница после некоторого раздумья.

Артем поспешно разделся и проследовал в гостиную, где Фрида Яковлевна уже уселась в кресло. Спина выпрямлена, руки сложены на коленях, подбородок приподнят. Этим она давала понять, что настроена на серьезный разговор, а не на пустую светскую болтовню. Артем, внутренне содрогнувшись, расположился напротив в позе бедного родственника. Признавая несомненные заслуги Фриды Яковлевны в деле ведения его домашнего хозяйства и будучи ей за это премного благодарен, он тем не менее слегка побаивался этой решительной, всегда имеющей обо всем собственное мнение дамы. Поэтому в душе был рад, что им нечасто приходится сталкиваться лицом к лицу. Но видимо, по мнению Фриды Яковлевны, насущная потребность в этом назрела. И именно сегодня.

– Я вас слушаю, – с тихим вздохом обреченно произнес Артем.

Изабелл тут же вспрыгнула к нему на колени и свернулась клубочком. Уютным таким, теплым клубочком. И сразу стало сомнительно, что это безобидное, кроткое существо способно было вынудить непреклонную женщину, с выверенным по минутам расписанием дня, сознательно выбиться из графика.

Глава 2

– Прежде всего ответьте, как долго мне придется терпеть эту кошку? – безо всяких предисловий спросила Фрида Яковлевна.

Артем растерялся, вновь застигнутый врасплох.

– Ну, недели две, от силы три...

– А потом вы вернете ее вашему приятелю?

Вообще-то он прикинул, что за столь длительный срок Изабелл и фрекен Бок притрутся друг к другу, а возможно даже, начнут жить душа в душу. А ему останется лишь чесать милое маленькое животное за ушком, когда возникнет такое желание. Что он и сделал сейчас, чисто машинально. Кошка благодарно заурчала, а его собеседница, напротив, вперила в него подозрительный взгляд.

– Ну, что же вы молчите? – требовательно произнесла Фрида Яковлевна.

– Скорее всего, да, – солгал Артем, наивно полагая, что за несколько недель сердце домработницы смягчится. – Но неужели Изабелл доставила вам так много неприятных минут за один только сегодняшний день?

– Неприятных минут?! – Казалось, достойная дама сейчас задохнется от возмущения. – Да будет вам известно, Артем, что эта зловредная злющая тварь просто-напросто издевалась надо мной весь день!

Он недоверчиво посмотрел на кошку, которая не изменила позы с начала их разговора и больше всего походила сейчас на мягкую игрушку, способную только радовать.

– Наверное, вы сгущаете краски. Изабелл просто еще маленькая и не освоилась на новом месте, – примирительно произнес Артем. – Меня она тоже вчера слегка тяпнула за пятку, но наверняка играючи, без злого умысла.

– А это что? – И Фрида Яковлевна продемонстрировала несколько красных царапин на запястье. – Я всего лишь вымыла ее специальным кошачьим шампунем, а она в отместку вцепилась когтями мне в руку.

– Кошки вообще-то не любят воду, – пробормотал Артем, отводя виноватый взгляд от царапин.

– Только не эта! – воскликнула его собеседница. – Как только я ее вымыла и решила высушить феном, она вырвалась из моих рук и принялась с азартом гонять кусок мыла по мокрой ванне. Когда я была маленькой девочкой... – Артем с сомнением посмотрел на сидящую перед ним матрону, – папа однажды повел меня в парк Горького. Там был такой аттракцион – гонки по вертикальной стене на мотоцикле. Так вот, это было то же самое, только без мотоцикла. А когда я попыталась ее поймать, чтобы приструнить, замоталась в штору и полезла внутри образовавшегося кокона наверх. Перекладина, на которой висела штора, конечно же рухнула вместе с ней, сбив все пузырьки и баночки, что стояли перед зеркалом, на пол. Кое-что, естественно, разбилось...

– Пустяки, не переживайте, – миролюбиво произнес Артем. – Это только повод купить новые.

– А кто мне купит новые нервы? – язвительно поинтересовалась Фрида Яковлевна. – Пока я приводила ванную в порядок, эта мерзавка сидела на стиральной машине не шелохнувшись, только нагло щурилась...

Артем решил больше не перебивать домработницу. Авось выговорится и подберет.

– А когда я вернулась в кухню и открыла холодильник, она мгновенно оказалась рядом и, сбросив с полки лимон, принялась играть с ним, словно он живое существо, которое она поймала...

– Наверное, нужно было попросить вас купить ей мячик или какую-нибудь другую игрушку. Простите, я не подумал, – покаялся Артем.

– Я подумала, – заверила его Фрида Яковлевна. – Но самодвижущийся шарик с меховым хвостиком не произвел на нее никакого впечатления... в отличие от лимона. Ему она не перегрызла горло только потому, что загнала под шкаф, если только он сам от нее туда не спрятался... Как хотите, а я оттуда доставать лимон не собираюсь. Не с моим давлением делать такие упражнения, знаете ли.

– Конечно-конечно, я сам достану, – заверил ее Артем и робко поинтересовался: – Наверное, это все?

Но его надеждам не суждено было сбыться.

– Как бы не так. Эта ваша Изабелл не давала мне сделать ни шагу, следила за каждым моим движением. Такой психологический прессинг мне не под силу вынести, – заявила Фрида Яковлевна.

«Лучше было бы остановиться на кандидатуре той тетки с Украины. Пусть она гакала, зато наверняка таких слов, как „психологический прессинг“, не знала и с кошкой сумела бы найти общий язык», – подумал Артем. Но тетку увел его друг Леха и теперь на нее не нахвалится. «Впрочем, я тоже был в восторге от Фриды Яковлевны, даже при гостях выдавал за свою тетю. Кто ж виноват, что эта Изабелл подвернулась мне... под ногу? Не выгонять же снова на улицу...»

– Вы меня слышите? – донесся до него сдержанный голос, в котором прорывались нотки раздражения.

– Да-да, конечно! – поспешно откликнулся Артем.

– А когда я, как всегда, перед уходом переоделась и села к столу, чтобы выпить чашечку кофе, она, – Фрида Яковлевна не удержалась и наставила на сладко дремлющую кошку указующий перст, – прыгнула на меня с холодильника! Причем именно в тот момент, когда я подносила чашку к губам. Ну, что вы на это скажете?

Артема не пугали самые привередливые или занудливые клиенты, он мог уболтать любого, но сейчас словно язык проглотил. Таких «подвигов» за столь краткий срок он от Изабелл никак не ожидал.

– Надеюсь, вы не сильно ошпарились? – только и нашел, что спросить он.

– И ошпарилась, и испортила блузку, – она расстегнула пуговицы пиджака и продемонстрировала бурое пятно на светло-лиловой ткани, – и залила скатерть, и уронила чашку. Теперь на ней трещина, так что нельзя пользоваться ею – дурная примета, знаете ли. А это была та самая чашка, что вы мне, Артем, подарили на Восьмое марта, английская, с розами.

– Пусть это станет самым большим вашим огорчением, – уцепился он за последнюю фразу Фриды Яковлевны и, умильно улыбаясь, залился соловьем: – Будет вам точно такая же, нет, еще лучше, а эту мы выбросим безо всякого сожаления. Так ведь?..

Он, стараясь не привлекать внимания к своим действиям, спустил кошку на пол и с доверительным видом подался всем телом к собеседнице, желая таким образом закрыть перед ней, по возможности, обзор. Ибо Изабелл перед этим начала потягиваться у него на коленях, давая понять, что выпалась и сейчас откроет глаза.

– А может, вам хочется получить какую-нибудь другую симпатичную вещь, просто так, безо всяких там праздников? Только скажите...

Но его маневр не удался. Фрида Яковлевна изогнулась в кресле, заглядывая ему за спину, и воскликнула:

– Вы только посмотрите на нее, а? Что она себе позволяет?

Артем испуганно обернулся. Но нет, Изабелл сидела в уже знакомой ему позе древнеегипетской статуэтки. Неподвижная, только взгляд устремлен не вовнутрь себя, а куда-то вверх, в ей одной ведомые заоблачные кошачьи дали.

– А что она себе позволяет? – не понял Артем, приготовившийся к чему-то гораздо худшему.

– Ваша Изабелл насквозь испорченная тварь! Она лицемерна до мозга костей! У нее на уме одни пакости, но она умеет это скрывать. Ты меня не проведешь своим ангельским видом! – заявила Фрида Яковлевна, в упор глядя на кошку.

Та и ухом не повела, словно не к ней была обращена гневная тирада. Но Артем мог дать голову на отсечение, что кошка все прекрасно поняла. Чертовщина какая-то!

Он мотнул головой и успокаивающе произнес:

– Вы переволновались сегодня, Фрида Яковлевна, устали. Может, вам не приходится завтра?

Она удивленно посмотрела на него:

– А я и не собиралась. Вы что, забыли, что завтра вторник, мой выходной день? Как, впрочем, и четверг, и воскресенье. Знаете, общение с этой кошкой, по-моему, вам тоже не идет на пользу.

– Простите, как-то запамятовал, – пробормотал Артем и нарочито бодрым тоном продолжил: – Ну, будем надеяться, что все наши неприятности утрясутся и мы заживем в мире и согласии, как раньше.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением покачала головой Фрида Яковлевна, неприязненно глядя на кошку.

С поджатыми губами она встала и выплыла в прихожую. Даже если бы к Артему заглянула на чай английская королева, он и то не провожал бы ее с большим почтением, чем в тот вечер свою помощницу по хозяйству.

В гостиную Артем вернулся на последнем издыхании. Вымотанный, как тот лимон, что в изнеможении закатился от Изабелл под шкаф. Сел в кресло, которое прежде занимала фрекен Бок, и решил серьезно поговорить с Изабелл. У всех на слуху были сенсационные сообщения о том, что даже растения реагируют на человеческий голос. А тут кошка, существо намного более развитое, чем, к примеру, тот же лимон или лировидный фикус, что уже подпирал потолок в углу комнаты и собирался расти дальше.

– Изабелл, – строго начал он, обращаясь к кошке, вальяжно развалившейся перед ним на ковре, – я впустил тебя в дом не для того, чтобы ты отравляла мне и Фриде Яковлевне существование. Заметь, я не стал ей рассказать, что ты вытворяла ночью. Она бы этого не поняла, да и мне не нравится спать с кошкой, даже вымытой, учти это на будущее... Эй, ты меня слышишь?

По тому, как кошка перекатилась на спину и принялась ловить свой хвост, получалось, что нет.

– Изабелл, посмотри на меня немедленно!

Та же реакция. Только теперь кошка вытянулась во всю длину и начала царапать ковер, точка когти.

– Если ты будешь так себя вести, я сочту, что ты не достойна имени Изабелл и стану звать тебя Муркой, – пригрозил Артем.

Кошка мгновенно замерла и уставилась на него янтарными глазищами с узкими вертикальными полосками зрачков.

– Муркой, поняла?

Она вскочила, подбежала к нему и стала ласково тереться о его ноги.

Озадаченный ее поведением, Артем замолчал. А когда в голову пришло возможное объяснение, не поверил самому себе.

– Изабелл, – ласково произнес он и протянул руку, чтобы погладить ее по голове.

Но кошка увернулась и предупреждающе цапнула Артема за палец, при этом многозначительно глядя ему в глаза.

– Мурка, – позвал Артем, на всякий случай отведя руки подальше от загадочного животного.

Мурлыкнув, она вспрыгнула к нему на колени, повернулась и выгнулась, проведя хвостом по его физиономии, но никакой агрессии не выказала.

– Ну надо же, – потрясенно пробормотал Артем. – Ты не хочешь быть Изабелл и даешь мне понять это. Фантастика!

Он собрался было поутру сообщить всем и каждому, какое ему досталось необыкновенное существо. Но тут вполне здравая мысль посетила его: «Судя по тому, что приучена к лотку, эта кошка раньше жила в доме. Вполне возможно, ее назвали Муркой, и она привыкла к этому имени, вот и не реагирует на Изабелл. И нет никакой фантастики».

А если так, то получалось, что Мурку ищут прежние хозяева, убиваются, в тоске заглядывают во все подъезды, с надеждой во взоре обходят места скопления мусорных контейнеров. Артем неожиданно понял, что не хочет расставаться с Изабелл, даже если она на самом деле Мурка. Было в этом маленьком грациозном животном что-то от красивой, уверенной в себе молодой женщины: эффектные позы, загадочный взгляд, эдакая стервозинка в поведении и бесконечная томная нега в ластящихся движениях.

– Я тебя знаю всего ничего и уже привязался. А каково тем, кто тебя растил несколько месяцев, не меньше! Придется дать объявление, – вздохнул Артем.

Мурка спрыгнула с его колен за секунду до того, как он договорил фразу до конца, и с беззаботным видом направилась к своей миске. Слово хозяина не имели к ней ни малейшего отношения.

Ночью она пару раз попыталась улечься у него на груди. Но Артем настоял-таки на своем, и Мурка решила на этот раз не упорствовать. «Прикинула, что не стоит особо проявлять характер, когда судьба висит на волоске», – усмехнулся в полусне Артем.

Утром, едва придя на работу, он распечатал на принтере объявление о найденной трехцветной кошке, дал сообщение в Интернете и настроился ждать. Но неприятных сюрпризов этот день ему не принес. Зато на следующий должна была произойти очередная встреча Мурки и фрекен Бок.

Артем в эту среду даже ушел из дома пораньше, хотя и так возможность их встречи с домработницей представлялась чисто иллюзорной. Фрида Яковлевна была не склонна жертвовать кому-либо хоть минуту своего драгоценного личного времени, в этом, вероятно, и крылась разгадка ее феноменальной пунктуальности и собранности. Весь день Артем с затаенной тревогой поднимал телефонную трубку, боясь услышать или прерывающийся от возмущения голос домработницы, или дрожащий от радости голос хозяев Мурки. О том, что кошку отныне зовут именно так, он сообщил Фриде Яковлевне в записке на холодильнике. «Чем черт не шутит, вдруг это известие хоть немного расположит ее в пользу кошки», – решил он.

Ничего подобного. Фрида Яковлевна опять дожидалась его возвращения, настроенная еще более воинственно, чем в предыдущую их встречу.

– Нам надо поговорить, Артем, – заявила она с таким видом, что стало ясно: ультиматума не избежать.

– Хорошо, – обреченно вздохнул он и, как и прошлый раз, поплелся за ней в гостиную.

Мурки нигде не было видно, и Артем счел это дурным знаком. Но спросить, где кошка, не решился.

– Я весь внимание, Фрида Яковлевна, – произнес он и вздохнул. Наверняка то, что придется услышать, не доставит ему удовольствия. И ведь как в воду глядел.

– Я тронута тем, что вы решили звать кошку Муркой, но это не меняет ее сути, знаете ли, – ответила Фрида Яковлевна и со скорбным видом поджала губы.

Артем снова вздохнул, но ничего не сказал.

– Мне казалось, я готова к тому, с чем мне предстояло сегодня встретиться, но я ошиблась. Это не просто обыкновенное плохо воспитанное животное, которое я, в отличие от вашего приятеля, побрезговала бы держать дома. Это... – она выдержала напряженную паузу, – это кошка, которая сознательно старается довести меня до сердечного приступа. И действует она умело и целенаправленно.

Артем в немом изумлении уставился на домработницу, потом пробормотал:

– Вы преувеличиваете.

– Я?! Преувеличиваю?! – Фрида Яковлевна прижала ладонь к внушительных размеров груди там, где на бежевой блузке была приколотая круглая агатовая брошь с блестящим камешком посередине. – Хорошо, я не буду в деталях рассказывать, как ваша Мурка охотилась за моими ногами и я чуть было не упала, как она едва не сбросила на пол драцену, когда играла с ее листьями, как опять гоняла кругами по ванне, невзирая на все мои увещевания, как ловила лапами струю воды, а потом, мокрая, разлеглась на диване...

– Может, достаточно? – робко попросил Артем.

– Нет, недостаточно, – строго возразила домработница. – Вы должны знать, с кем вам придется сосуществовать...

«А вам разве нет?» – чуть было не спросил Артем, но в последний момент решил поменять с провокационными вопросами.

– Но неожиданно она пропала, – продолжила Фрида Яковлевна. – Как любая женщина с мягким сердцем, я, естественно, забеспокоилась. Подумала: вдруг залезла куда-нибудь и не может выбраться или, не дай бог, упала вниз. Форточки ведь были открыты. Я даже посмотреть из окон не сразу решилась, знаете ли...

– Здесь невысоко, всего-то третий этаж. Для кошек это пустяки, – ответил Артем и добавил: – Говорят.

– Вот именно, говорят. Но когда я все-таки рискнула посмотреть, ни на асфальте перед подъездом, ни на газоне по другую сторону дома ее не было...

– Куда же она тогда делась? – уже заинтересованно спросил Артем.

– Чтобы ответить на этот вопрос, я полтора часа методично обшаривала все уголки и закоулки в квартире, обыскивала все шкафы. Вы не поверите, но я даже становилась на четвереньки и заглядывала под кровать и диваны...

Он представил себе это зрелище и с трудом подавил улыбку. Однако следовало отдать должное Фриде Яковлевне – с ее комплекцией и в ее возрасте заглядывание под предметы обстановки, стоя на четвереньках, можно было причислить к цирковому номеру, представляющему опасность для здоровья, если не жизни.

– Наконец я дошла до кухни и, когда уже поставила стул, чтобы залезть на него и посмотреть, нет ли кошки на полках, увидела эту, простите, заразу.

Заинтригованный, Артем весь обратился в слух.

– Так вот, ваша Мурка распласталась на дне раковины, и над краем торчали только ее глаза и уши! Точь-в-точь как солдат в окопе, наблюдающий за действиями противника. Она откровенно развлекалась, следя за тем, как я ее ищу! Ну, что вы на это скажете?

Положа руку на сердце, Артем мог лишь посочувствовать пожилой женщине, которой Мурка устроила отнюдь не сладкую жизнь. В то же время, если все рассказанное было правдой, он готов был отдать должное уму и сообразительности своего уличного приобретения.

– Честное слово, мне очень жаль, что все так получилось, – искренне произнес Артем и оглянулся в поисках кошки, чтобы сделать ей строгое внушение и показать, на чьей он стороне.

Но голос Фриды Яковлевны, в котором звучал металл, снова привлек его внимание:

– Как вы, наверное, помните, Артем, после вашего возвращения с курорта я сама собиралась поехать отдохнуть в Турцию, с приятельницей...

– Помню, – кивнул он. – Думаю, через пару недель я буду готов к тому, чтобы остаться на время без вас.

– Не через пару недель, а с этой пятницы. – Фрида Яковлевна выставила вперед ладонь, пресекая возражения потрясенного работодателя. – В противном случае вы меня больше не увидите. И последнее: надеюсь, к моему возвращению даже духа этой... этой Мурки здесь уже не будет.

– Но... – попытался было урезонить решительную домработницу Артем.

– Никаких но! Или она, или я! – провозгласила Фрида Яковлевна, ни на секунду не сомневаясь в выборе, который сделает Артем.

Мурка появилась неслышно, словно из ниоткуда. Подошла и, урча, принялась тереться о его ноги. Потом вспрыгнула на колени и замурлыкала, жмуря глаза, словно от несказанного удовольствия.

– Ну и что нам теперь делать? – спросил Артем кошку, которая выглядела сейчас настолько маленькой и безобидной, что все сказанное о ней Фридой Яковлевной казалось попросту злым вымыслом.

А проблема действительно стояла перед ним, и нешуточная. Обычно, когда фрекен Бок отправлялась в отпуск, ее функции брала на себя очередная подружка Артема независимо от ее умения и опыта ведения домашнего хозяйства. И начиналась такая щекочущая нервы игра в семейную жизнь, когда все внове и бесконечно увлекательно. Но Маришечка, на которую он возлагал надежды, не оправдала его ожиданий своей напористостью и прямолинейностью. Хотя она и продолжала позванивать, рассчитывая реанимировать их отношения, Артем все уже решил для себя. Маришечка осталась для него в прошлом, и только ее фотография на письменном столе напоминала о пяти или шести месяцах безоблачных отношений.

«Маришечки нет и не предвидится. Фрекен Бок тоже исчезла с горизонта, правда на время, – размышлял он, почесывая Мурку за ушком. – Так как же отыскать ту, кто займет вакантное место?» Артем вспомнил, что поначалу искал домработницу через кадровое агентство, телефон которого у него наверняка где-то сохранился. Итак, решение проблемы была найдено.

Повеселев, он направился в кухню, где его ждал ужин, последний ужин, приготовленный Фридой Яковлевной. Мурку Артем бережно прижимал к груди, ласково поглаживая...

Глава 3

Как ни странно, но он рассчитывал на более обширный выбор. Кандидатур было всего четыре. Семейная пара молдаван, которые соглашались работать за предложенные деньги, но только вдвоем, отпала сразу. И фронт работ, что называется, для них был маловат, и такого скопления посторонних людей в доме Артему видеть не хотелось.

Бывшая актриса со знанием двух иностранных языков, которая прежде служила гувернанткой при детях одного священнослужителя, ему тоже не приглянулась. Хотелось чего-нибудь попроще, чтобы не напрягаться, беря ту или иную вилку.

Фотография девицы из-под Винницы – этакая молодуха кровь с молоком – заставила было сердце Артема сладко заныть. Однако то, что она меняла места работы не реже раза в полугодие, говорило не в ее пользу. Девицу себе он найдет, нет проблем, а вот квартиру надо оставлять на человека, который вызывает доверие.

Оставалась последняя кандидатура: молоденькая провинциалка из Орла. Приехала в Москву, чтобы продолжить учебу, снимает квартиру. Прежде ни у кого не работала. Судя по снимку, серая невзрачная мышка.

Артем развеселился:

– Кошка у меня уже есть, будет еще и мышка. Задаст ей моя Мурка жару, если им придется свидеться...

Он перезвонил в агентство и договорился встретиться с девицей в субботу, около четырех часов дня.

Звонок раздался ровно в четыре, и Лина Кузнецова, как значилось в резюме, переступила порог его квартиры. Конечно, познакомиться можно было и в кадровом агентстве. Но во-первых, Артем уже настроился на эту кандидатуру. Во-вторых, выбирать было не из чего, а тратить время на дальнейшие поиски очень не хотелось.

Лина действительно производила впечатление мышки, хотя, вне всякого сомнения, тщательно подготовилась к встрече. Русые волосы, собранные в хвост, она завила, губы накрасила модным розовым блеском, а по нижнему краю верхних век провела тонкие серебристо-голубые линии. Но они смотрелись самостоятельными элементами, не составляя с лицом единого целого.

«Так, пользоваться косметикой не умеет, – пришел к выводу Артем. – И меня стесняется до чертиков».

Действительно, Лине было бы куда проще, если бы ее работодателями оказалась пожилая пара или немногочисленное семейство, но только не одинокий молодой человек. «Плейбой средней руки и среднего достатка», – как называл себя Артем, довольно трезво смотрящий на жизнь и на свое место в ней. Но сейчас, видя румянец смущения на бледных щеках девушки и ее пальцы, теребящие бахрому шарфа, он не мог не распушить свой павлиний хвост.

Пригласил в гостиную, усадил в кресло, предложил кофе. Она, естественно, отказалась, не поднимая глаз. Тогда он вальяжно развалился на диване, закинув ногу на ногу, и принялся не спеша задавать вопросы: откуда родом? зачем приехала в Москву? что умеет делать? и так далее. Мурка не устроилась у него на коленях, а села на диване рядом и не сводила с Лины немигающего испытующего взгляда.

«Допрос с пристрастием» продолжался минут тридцать, пока Артем не испугался, как бы претендентка на место домработницы не потеряла сознания. Голос ее звучал все тише и тише, ответы уже с трудом удавалось расслышать.

Однако конец собеседованию положил не он, а Мурка. Спрыгнув с дивана, кошка подскочила к креслу, в котором сидела девушка, и принялась играть с концом ее шарфа.

– Брысь, а то порвешь! – воскликнул Артем, подавшись вперед всем телом и замахав на Мурку рукой.

– Ничего страшного, – ответила Лина и впервые за время их беседы посмотрела на него и улыбнулась.

Улыбка ему понравилась своими открытостью и безыскусностью. Он любил, чтобы у человека улыбались не только губы, но и глаза. А когда, вот как сейчас, на щеках появлялись ямочки, «вообще от этого тащился», как нынче принято говорить у молодежи.

– Это моя кошка Мурка, и вам придется иметь с ней дело, – произнес Артем не прежним тоном, в котором проскальзывали нотки надменной самоуверенности, а своим обычным – располагающим, доверительным. – Учтите, у нее характер тот еще! Не боитесь?

Лина помотала головой:

– Нет, не боюсь, – и снова улыбнулась. – Говорят, у меня неплохо получается ладить с детьми и животными. – А уж месяц-то я в любом случае продержусь.

Артем вспомнил о сроке, на который нанимал домработницу, и погрузился. Эта не станет давить на него своим авторитетом, как фрекен Бок. К тому же Фрида Яковлевна, доводясь знакомой его дальним родственникам и снизошедшая до того, чтобы вести у него хозяйство, неосознанно воспринималась Артемом как недреманное око, следящее за ним. Но уговор дороже денег, вспомнил он старую пословицу.

– Значит, договорились, – сказал Артем, подводя итог собеседования. – А сейчас пойдемте в кухню, я все-таки угощу вас кофе, и вы заодно посмотрите, где придется трудиться.

Девушке из провинции его квартира наверняка должна была показаться барскими апартаментами. Еще бы, один в трех комнатах, где вся мебель новая, но «косит» под старину – фигурные ножки, бархатная обивка, пушистые ковры на полу, на стенах троечка пейзажей. Один – багрово-красный закат, видимый сквозь бурелом, – идеально подходил по цвету к обивке мебели. Другой, изображающий роскошество золотой осени, корреспондировал с бронзовыми завитушками на ней. А третий – перламутрово-прозрачное весеннее половодье – настраивал на элегический лад, давая понять, что тонкие чувства не чужды владельцу этого жилища.

Кухня с темной итальянской мебелью и с множеством всякой бытовой техники тоже не могла не произвести на Лину впечатления. Она робко опустилась на краешек стула с высокой спинкой и стала молча смотреть, как Артем готовит кофе, наливает его в красивые чашечки, ставит на стол корзиночку с печеньем.

Он был непривередлив в еде, если и любил построить из себя гурмана, то изредка, в каком-нибудь ресторане или клубе, да и то при наличии соответствующего окружения. «Главное – чтобы меня не отравили», – со смехом говорил Артем, а будет ли это форшмак, или фаршированный судак Фриды Яковлевны, или рассольник и котлеты Лины, его мало волновало.

На вопрос, умеет ли она готовить, новая домработница ответила:

– Говорят, у меня неплохо получается.

«Видимо, „говорят“ ее любимое словечко», – отметил про себя Артем и сказал:

– Вот и чудесно. Как насчет того, чтобы приступить к своим обязанностям в понедельник?

Лина кивнула:

– Хорошо.

– Только приходите пораньше, до того, как я уйду на работу.

– Хорошо, – снова кивнула девушка.

Провожать Лину Мурка отправилась вместе с хозяином квартиры. И когда девушка наклонилась, чтобы ее погладить, – Артем не успел предупредить, что это может быть опасно, так быстро все произошло, – подставила голову под ее руку и довольно мурлыкнула.

«Неужели Мурка тоже сделала свой выбор?» – подумал он, но на всякий случай решил удостовериться.

– Тебе понравилась Лина? – спросил Артем, усаживаясь с кошкой на руках перед телевизором. – Не будешь ее изводить, как фрекен Бок?

Мурка ничего не ответила, потопталась у него на коленях, прыгнула на пол и, задрав хвост, отправилась по своим кошачьим делам. «Ну и как это понимать? – недоуменно подумал Артем. – Или она много о себе воображает и даже не снисходит до ответа, или я сошел с ума, награждая приبلудную кошку человеческим интеллектом. Скорее всего, последнее».

Он отметил, что у него входит в привычку разговаривать с Муркой. Но это же не с самим собой – значит, ничего страшного. Вот и друг Леха тоже уверяет, что его собака – собачище! – понимает не только то, что он ей говорит, но даже телевизионных дикторов, когда те делают обзор международных событий. Однако больше всего Лехину псу Эшлику, по словам приятеля, нравится передача «Голые и смешные». Он тогда не сводит с экрана глаз и ежеминутно плотоядно облизывается.

Ночь прошла спокойно, видимо, Мурка наконец-то смирилась с тем, что постель хозяина не место, где ей надлежит спать. Слезных звонков вернуть кошечку на следующий день тоже не поступало, хотя помимо Интернета Артем развесил в пределах пешей доступности до его дома объявления о найденной кошке с ее фотографией.

А в воскресенье он отправился к Лехе, чтобы составить ему, тоже временно одинокому, компанию и заодно обменяться новостями. Его приятель года два назад заделался коллекционером.

– У человека должно быть хобби, – наставительно заявил он Артему. – И я буду собирать солдатиков.

– А не рановато ли ты решил впасть в детство? – ехидно поинтересовался Артем.

Но Леха пояснил, что речь идет о дорогих солдатиках, с детально изображенными знаками различия, предметами амуниции, обмундирования и оружием. Словом, не игрушки, а произведения искусства.

– Почему именно солдатика? – спросил тогда Артем.

– Поначалу я хотел собирать колокольчики, как один известный кинорежиссер, или тарелки, как одна наша прославленная тренерша по фигурному катанию. Подумывал и о чертах. Говорят, где-то в Прибалтике даже есть музей, посвященный этой нечисти... – принялся перечислять Леха.

– Короче, почему солдатика? – прервал его приятель.

– Они меньше места занимают, и не надо стены сверлить, чтобы их повесить, – честно ответил Леха.

– Резонно, – заметил на это Артем.

И вот теперь, приблизительно раз в месяц, он приходил к другу, чтобы дать тому возможность похвалиться своими новыми приобретениями.

Лехина квартира, в отличие от Артемовой, была выдержана в стиле хай-тек – стекло, металл, черная мягкая мебель, частично из натуральной кожи, частично, увы, пока из кожзаменителя. На полу ковер под зебру. На белой стене огромный плазменный телевизор. Только лобастый, с массивным загравком Эшли несколько диссонировал с интерьером своим тигровым окрасом. Но он появился в жизни Лехи чуть раньше, нежели тому материально подфартило и представилась возможность обставить квартиру по своему вкусу. А к закадычным друзьям претензии по поводу расцветки их шкуры предъявлять не принято.

Разложив на стеклянном журнальном столике газетку, а на ней копченого леща и поставив две упаковки пива и никаких тебе стаканов, друзья с довольным видом приступили к при-

ятному проведению свободного времени, как оба себе это мыслили. Помимо леща с пивом и в некотором отдалении от них на столе стояли две фигурки польских крылатых гусар.

– А зачем тебе оба? – поинтересовался Артем. – Они же практически одинаковые.

Приятель даже удивился столь вопиющей непросвещенности в деле коллекционирования:

– Ты что, не видишь? У одного лошадь гнедая и стоит на четырех ногах, а у другого серая в яблоках и подняла переднюю ногу.

– А-а... – протянул Артем, проникаясь значимостью полученной информации.

– Но, между нами говоря, если бы я знал, какая головная боль эти солдатики, стал бы коллекционировать что-нибудь другое, – с тяжелым вздохом сообщил Леха.

– Почему?

– Потому что, чтобы все было по-серьезному, я вступил в клуб собирателей этих самых фигурок.

– Надо же, я и не знал, что такой клуб вообще существует, – удивился Артем.

– Существует, – кивнул приятель. – И ладно бы там всякие взносы, собрания и выставки, так еще надо знать, чем обмундирование одних отличается от других и прочую хрень. Целая наука, я тебе скажу. И вот, чтобы не ударить в грязь лицом, как ботаник какой-нибудь, сижу и зубрю, у кого на вооружении была винтовка Мосина, а у кого станковый пулемет «максим», а чем кивер гусара Александрийского полка отличается от кивера гусара Изюмского... Эх, знал бы заранее, хоть какие-то временные рамки поставил, а то заявил в клубе, что намереваюсь, видите ли, собрать полную коллекцию солдатиков всех времен и народов.

– Тебя сразу зауважали, наверное, – предположил Артем.

– Нет, посмотрели как на сумасшедшего, но я это только позднее понял, – признался Леха.

– А если послать этих солдатиков куда подальше и переключиться на что-нибудь другое?

– Жалко, уже столько сил и денег вложено. Да и разбираться я кое в чем уже начал... Знаешь, например, почему ахтырские гусары третий тост всегда поднимали за «французских монахинь, которые пошили им мундиры из своих ряс»?

– Ну откуда? – удивился Артем.

– Тогда слушай... – И глаза у Лехи вдохновенно заблестели. – После взятия Парижа в Отечественной войне двенадцатого года этот полк был расквартирован вблизи одного монастыря капуцинок, которые носили коричневые рясы. И вот знаменитый генерал Денис Давыдов, командовавший тогда полком, распорядился сшить новую форму для своих гусар из сукна, найденного на монастырском складе. На параде войск Александру I так понравилось, как выглядят ахтырцы, что он повелел гусарам этого полка отныне носить коричневые мундиры. Интересно?

– Даже очень, – искренне ответил Артем. – Ты мне про всякие такие забавные вещицы рассказывай, ладно? Может, блесну где эрудицией.

Друг кивнул. Они помолчали какое-то время. Затем Леха бережно взял крылатых гусар и поставил на полку специально сделанного стеллажа, уже густо уставленного фигурками.

– А у тебя чего новенького? – спросил он, возвращаясь к столу и давая понять, что тема солдатиков на сегодня закрыта. – Как Маришечка?

– Уже никак, – равнодушно обронил Артем, подтягивая к себе упаковку пива и доставая первую банку.

– Так скоро? – Леха с довольным побряхтыванием ломал в руках умопомрачительную золотистую рыбину, источающую аппетитнейший запах.

– Почему скоро? Почти полгода прошло...

– Ну, тогда да.

– Это ты у нас однолюб. Сколько ты уже живешь со своей Светкой?

– Да скоро два года будет...

– Потрясающе! А где она сейчас, я так и не понял.

– Уехала на выходные в Можайск, навестить подругу, у которой родилась двойня. Не поверишь, но я уже скучаю по ней...

– Почему не поверю? Верю, чего только в жизни не бывает...

Беседа под пиво и леща доставляла удовольствие обоим. Потом включили телевизор и с не меньшим азартом, чем в первый раз, просмотрели повтор матча, что уже видели в спортивном кафе. Ближе к вечеру позвонили в доставку пиццы. И только когда пицца была съедена, а пиво выпито, Артем, как бы между прочим, произнес:

– А у меня теперь кошка есть, – и покосился на большеголовую псину, что развалилась посреди комнаты. Этакий бульдог-переросток, не чета его изящной Мурке.

– Дорогая? Породистая? Где взял?..

– Беспородная. На улице подобрал. Из жалости... – как можно небрежнее сказал Артем и внутренне замер, ожидая реакции друга.

И по его расспросам вдруг понял, что неожиданно для себя возвысился в глазах Лехи. А вскоре собственный неосознанный поступок уже и ему представлялся актом невиданного милосердия. Артему сразу полегчало, и он минут сорок взахлеб рассказывал о проделках Мурки, портящей кровь Фриде Яковлевне.

– А фрекен Бок что? – спросил Леа.

– Срочно запросилась в отпуск, – хохотнул развеселившийся Артем. – Пришлось искать ей замену.

– И как, удачно?

– Дальнейшее покажет грядущее, – ответил Артем фразой, ходящей в их кругу. – Мурка у меня кошка характерная.

– И имя ты на редкость удачное выбрал, – восхитился приятель. – Сейчас всяких Инесс, Беатрис и Мюзидор как собак нерезаных, а Мурок днем с огнем не сыщешь. Да, как хоть выглядит твоя новая домработница?

– Серенькая, невзрачненькая провинциалка двадцати шести лет от роду. Даже немного побаиваюсь, как бы моя киска и ее из квартиры не выжила. Что я тогда делать буду? Новую, что ли, искать? А если и та Мурке не понравится?..

Однако опасения Артема оказались напрасными, но это выяснилось только к вечеру следующего дня.

Лина возникла на пороге квартиры за полчаса до его ухода на работу, тихая, неприметная, без розового блеска на губах и серебристо-голубых теней на веках. Он снова показал, где что лежит, сказал, что распоряжения и пожелания будет писать на листочках и прикреплять их к холодильнику, объяснил, что ей предстоит сделать сегодня, и отбыл с тревогой в сердце. Потому что Мурка не пожелала выйти его проводить, сделав вид, будто крепко спит в кресле, и у него не было возможности внушить ей, как себя вести...

В сумерках выйдя из машины, Артем посмотрел на свои окна и увидел, что свет горит и в кухне, и в гостиной. И так, его ждали, а это – он по предыдущему опыту знал – не предвещало ничего хорошего.

Придав лицу беззаботное выражение, словно был уверен, что его ожидают лишь приятные известия, Артем вошел в подъезд. Поднялся на третий этаж, повернул ключ в замке, открыл дверь и прислушался.

Оказалось, что его действительно ждали, потому что тут же в прихожей материализовались Лина и Мурка.

– Здравствуйте, Артем Николаевич, – поздоровалась девушка.

Она покраснелась, глаза оживленно блестели, словно от долгой увлекательной игры, и вообще выглядела Лина куда привлекательнее, чем со всей своей рекламируемой по телевидению косметикой.

– А я тут решила вас подождать. Первый раз все-таки, вдруг что-то не так сделала.

– Здравствуйте, Лина, – сдержанно поприветствовал ее Артем и поинтересовался: – А чем это вы тут занимались перед моим приходом?

– Мы? Играли. Я пряталась, а Мурка меня искала.

Раздевшись, Артем прошелся по квартире. Все вроде бы было в порядке. В духовке что-то готовилось в керамическом горшочке, распространяя аппетитный запах.

– И как, Мурка вам не сильно досаждала? – осторожно спросил он.

– Да что вы! – воскликнула Лина. – Она у вас просто прелесть. Такая забавная. Знаете, как она по ванне носится, обалдеть можно! И с водяной струей играть любит, даром что кошка... Ой, вы ей это разрешаете?

– Скажем так: не запрещаю. А что еще она вытворяла?

– Спряталась в мойке, а я делала вид, будто ее ищу, – начала перечислять Лина. – Попыталась вскарабкаться на тот цветок, что в гостинной...

Артем кивнул:

– Фикус лировидный.

– Да, на фикус. Потом стала что-то вытаскивать лапой из-под кухонного шкафа.

– И что же это оказалось?

– Вы не поверите: лимон! Наверное, его случайно уронили, он туда закатился, а ваша умница решила достать.

«Такое впечатление, что у них одинаковый уровень развития, – снисходительно усмехнулся Артем. – Но они ладили, и это главное».

– Не поужинаете ли со мной? – предложил он Лине из вежливости, заранее зная, что услышит в ответ.

– Ой, ну что вы, Артем Николаевич! Мне домой пора, – тут же засмузилась девушка. – Вы только потом скажите мне, понравилось вам рагу или нет, ладно? – И заторопилась к двери.

Мурка куда-то запропастилась, и Артем ел рагу в одиночестве. Лина, как рачительная хозяйка, нашла в холодильнике съестные остатки мясного происхождения и при помощи лука, специй и овощей приготовила блюдо, которое Артему очень понравилось...

Утомленная активно проведенным днем, кошка лежала на диване и при виде хозяина лишь повернула голову в его сторону. Пришлось взять ее на руки и пристроить у себя на коленях.

– Бедненькая животинка, умаялась. – Артем, дразня, поводил ладонью у нее перед мордой, но у Мурки хватило сил лишь слегка прихватить его палец зубами, не изображая ни злости, ни раздражения. – Да, укатали сивку крутые горки. Ну, отдыхай.

Он привычно включил телевизор, но неожиданно пришедшие мысли не позволили сосредоточиться на очередной серии очередного боевика, призванного создать положительный образ российского мента. Девушки, с которыми Артем привык иметь дело по работе или вне оной, и его новая домработница были словно разной породы. Он вдруг подумал, что никогда бы не пошел с такой, как Лина, в клуб или в ресторан. Ему было бы неловко, он побоялся бы увидеть бросаемые на него недоуменные взгляды. Не пригласил бы он ее и к себе домой. Почему?

Артем попытался вспомнить лицо Лины, ее прическу, одежду – и не смог. Все было каким-то расплывчатым, смутным, незапоминающимся. А ведь человек она, должно быть, хороший. Искренний, отзывчивый, без претензий.

«Бедняжка, – сочувственно вздохнул Артем. – Возможно, моя квартира, в которой ей придется провести месяц, станет самым ярким воспоминанием в ее жизни». Нет, он не был снобом и не считал свои апартаменты царскими покоем. Но у этой Лины, вполне возможно, никогда не будет ничего даже отдаленно похожего. А ведь ей наверняка хочется. Ему неожиданно стало жаль скромную провинциалку, которой уготовано унылое, как и она сама, существование.

– Слышишь, Мурка, а может, нам скрасить ее пребывание здесь? – спросил он кошку, беря ее под передние лапы и заставляя посмотреть ему в лицо. – Хоть будет о чем вспомнить. Ну, что ты на это скажешь?

Мурка с закрытыми глазами какое-то время висела в его руках тощей трехцветной горжеткой, потом зевнула, демонстрируя аккуратный розовый язычок.

– Вот и говори с тобой после этого на серьезные темы, – со вздохом произнес Артем и уложил кошку рядом с собой на диван.

Однако мысль облагодетельствовать Лину пришлась ему по сердцу. Тревожило лишь одно: только бы не возомнила невеста чего о себе и не решила, что останется навечно хозяйкой в его квартире. Под свой интерьер он подберет что-нибудь более современное и стильное...

Глава 4

Артем не заметил, как изменилась сама атмосфера в доме. Раньше он высиживал на работе до последней минуты, а после с удовольствием проводил время с приятелями. И все потому, что в квартире незримо витал дух Фриды Яковлевны; казалось, предметы обстановки, посуда могут в случае чего «заложить» его домработнице. Чушь, конечно, несусветная, но сейчас ему стало неизмеримо легче и проще.

Он действительно чувствовал себя хозяином и своей квартиры, и своей судьбы.

– Наша фрекен Бок не только ушла сама, но и забрала с собой свою ауру, – сообщил Артем Мурке о результатах собственных интенсивных размышлений. – К сожалению, она обещала вернуться. Но это будет еще не скоро.

Остановившись на этой оптимистической ноте, Артем запретил себе думать о печальном и принял решение наслаждаться тем, что несет с собой настоящее.

А настоящее как-то очень быстро обрело свои характерные черты. Лина выполняла обязанности по ведению домашнего хозяйства на отлично. И хотя она частенько задерживалась до возвращения Артема, ее присутствие не раздражало. Напротив, то, что дома его кто-то встречает, неожиданно понравилось Артему. Возможно, потому, что Лина была незаметна и неприятельна. И ей, в отличие от стильных подружек Артема, не надо было ежеминутно оказывать знаки внимания и восхищаться ее несравненной внешностью, светским тактом и тонким умом.

Впрочем, внешность Лины говорила сама за себя, тут было не до восторгов, а ее интеллект мало волновал молодого человека. В основном в разговоре они касались чисто бытовых проблем, или же предметом их беседы была Мурка. Вот кто просто потрясал воображение смышленностью и постоянной готовностью ко всяким проказам.

Но однажды, прощаясь с Линой в прихожей, Артем неизвестно с чего вдруг поинтересовался:

– Знаешь, у меня создается впечатление, что ты не торопишься домой. – Он уже на второй день их знакомства незаметно для себя перешел на «ты» в разговорах с девушкой.

Лина мило улыбнулась:

– Это действительно так. Вы же знаете, что я снимаю квартиру вместе с подругой, Ксенией... – если Артем и вычитал это из ее резюме, то тут же выкинул из памяти за ненадобностью, – а она любит громкую современную музыку, от которой не спрятаться. Вот я и не спешу домой.

– Ну да, у меня здесь тихо, – кивнул Артем. – Мурка к музыке равнодушна, к любой...

– Зато любит смотреть телевизор, – вставила Лина.

– Да ты что? – удивился Артем.

– Да-да, она забирается наверх телевизора и, свесившись вниз, лапами старается поймать движущиеся по экрану изображения людей или животных... А вы разве за ней этого не замечали?

Артем медленно покачал головой.

– Ой, может, ей этого нельзя делать! Простите, я не знала.

Она испугалась вполне серьезно, даже побледнела. И Артем тут же почувствовал себя Синей Бородой, безжалостным и кровожадным.

– Да брось ты. Главное, чтобы не свалилась и экран не поцарапала.

– Что вы! – воскликнула Лина. – Мурка очень умная и все понимает. А вот однажды...

Артем догадался, что сейчас последует очередной рассказ о подвигах его кошки. Стоять столбом в прихожей ему не хотелось, а возвращаться в комнаты было не с чего, поэтому он быстренько свернул разговор, протянув Лине ее портфель. Она всегда приходила с портфелем, довольно тяжелым, как смог сейчас заметить Артем, и клала его на стул в прихожей.

– Всего доброго. До встречи, Лина.

– А хотите, я завтра приду? – неожиданно спросила она. – Ваш фикус надо пересадить, у него корни уже из горшка торчат.

Артем растерялся, услышав столь неожиданное предложение. Фрекен Бок он не рискнул бы попросить о чем-то, что выходило за рамки их соглашения. Стал бы выкручиваться сам. А тут и просить не пришлось.

– Но мы же с тобой договаривались только о... – Он замолчал, не зная, как бы поделikatнее выразиться.

– Если вы о деньгах, то не беспокойтесь, мне ничего не надо! – поспешила заверить его девушка, тоже смутившись, и прежде всего оттого, что ее могли заподозрить в меркантильных помыслах.

Артем рассмеялся, скорее из желания разрядить обстановку:

– И тебе не в тягость заниматься всеми этими нескончаемыми делами?

– Что вы, Артем Николаевич, у вас я отдыхаю, – ответила Лина и с облегчением перевела дыхание.

Позже вечером, неизвестно почему вспоминая их разговор в прихожей, он задумался над последней фразой Лины. Она показалась ему смутно знакомой. Ну да! Почти так же ответила киношная Золушка принцу, когда тот спросил ее, не устала ли она в дороге. «Из Лины сказочной принцессы не получится, это уж точно, – подумал Артем. – Но порадовать ее какой-нибудь мелочью, как собирался, я вполне могу. И повод подходящий есть – незапрограммированная пересадка фикуса!»

Вечером он явился домой с тремя веточками похожих на ромашки мелких астр, завернутых в простой целлофан. Ни одной из своих пассий, даже прекрасно зная, что период их существования в его жизни будет недолог, Артем никогда не преподнес бы столь скромный букетик. Но Лина была не чета им. И, получив цветы, она зажмурилась от удовольствия и уткнулась в них носом, словно это были роскошные розы.

– Это тебе, в благодарность за фикус, – поспешил сказать Артем, испугавшись неоправданно восторженной, на его взгляд, реакции.

– Спасибо, – прошептала Лина, словно бы не слыша его слов. – А я вам пирожок с яблоками испекла. – И, объясняя свое самоуправство, добавила: – А то они уже сохнуть начали.

– Чудненько! – воскликнул Артем. – Накрывай на стол, будем пить чай!

На этот раз девушка не стала отнекиваться. И вскоре они уютно устроились на кухне. Все было мило, легко; Артему даже пришло на ум выражение «по-семейному», но он его тут же отверг. Не по-семейному, а, возможно, по-приятельски, когда вместе собираются приятные друг другу люди, но не более того.

Под яблочный пирог с чаем беседа велась неспешная, поначалу, естественно, о Мурке – исключительно благодатная тема, если иметь в виду нескончаемые проделки последней. Потом Артем принялся расспрашивать Лину о ее жите-бытье. Впрочем, нельзя было сказать, что ответы его особенно интересовали. Ну, жила в провинции с родителями и младшей сестрой, ну, переехала в столицу, чтобы чего-то добиться в жизни... Тут Артем мысленно усмехнулся: «И добилась: убирается у меня в квартире и готовит мне ужин время от времени». Ну, поступила учиться на какие-то там курсы... Какие именно, он пропустил мимо ушей. Ну, очень хочет, чтобы родители в старости могли положиться на нее и ни в чем не нуждаться... Весьма похвально, только как это осуществить?..

Когда от пирога осталось одно воспоминание, а Мурка свернулась клубочком на соседнем стуле и закрыла глаза, выяснилось, что часы показывают половину одиннадцатого.

– Ой, как уже поздно, а я и не заметила! – встревожилась Лина. – Простите, Артем Николаевич.

– За что?

– Ну, вы вряд ли собирались просидеть весь вечер со мной.

Он улыбнулся:

– Действительно, не собирался. Но ни о чем тем не менее не жалею... А теперь скажи, Лина, тебе далеко до дому?

– Ну что вы! Как говорит Ксюша, с которой мы вместе снимаем квартиру: «Если в Москве можно добраться до места только на метро, это совсем близко», – ответила девушка, вставая. – Простите еще раз, если ненароком нарушила ваши планы на сегодняшний вечер, Артем Николаевич.

Планов она никаких не нарушила, потому что их, собственно, и не было. Однако ответил Артем не сразу, прикидывал, отвезти ее домой или не стоит. Все-таки старалась для него, пирожок испекла, фикус пересадила... Но нежелание выходить из дому и тащиться неведомо куда на ночь глядя перевесило все благие намерения.

– Не за что, – отмахнулся Артем от извинений и, направляясь за девушкой в прихожую, произнес, слегка покривив из вежливости душой: – Спасибо за пирог, давно не ел ничего вкуснее. – И похоже, ей хватило проницательности понять это.

Когда Лина уже стояла перед ним в своем немарком, практичном плащичке и с портфелем в руке, что-то вроде укола совести неприятно кольнуло его. Невысокая, худенькая, с русыми волосами, собранными в хвост, с широко распахнутыми доверчивыми серыми глазами, она так и просилась стать жертвой какого-нибудь злоумышленника.

«Да нет, – попытался успокоить себя Артем, – скорее мимо нее можно пройти и не заметить. Нет в ней ничего бросающегося в глаза, примечательного. Одно слово, серая мышка».

– Знаешь что, позвони мне, когда приедешь домой, – тем не менее сказал Артем, когда уже открывал перед Линой дверь. – Чтобы мы с Муркой не волновались.

Девушка заметно растерялась.

– Так ведь поздно уже будет, – пробормотала она, глядя в пол.

– Ничего страшного.

Вернувшись в кухню, Артем увидел цветы, преподнесенные им Лине, стоящими в вазочке на подоконнике. «Забыла или сознательно оставила?» – задумался он, но так ничего для себя и не решил...

Звонок раздался час двадцать минут спустя. Артем специально засекал время, чтобы выяснить, как далеко живет девушка. Оказалось, далеко. Значит, впредь не стоит ее задерживать допоздна. Если что случится, он будет переживать, винить себя, а зачем ему лишняя головная боль из-за провинциальной непрезентабельной девицы, пусть и милой в общении.

– Слушаю, – сказал Артем, подняв трубку.

– Артем Николаевич, это я, Лина. Я уже приехала... – Девушка замолчала, явно не зная, что сказать дальше.

– Добралась нормально? – спросил он.

– Да-да, не беспокойтесь, – поспешно заверила она его.

– Тогда спокойной ночи, Лина.

– И вам спокойной ночи, Артем Николаевич...

На этом все мысли о девушке покинули бы его, если бы час спустя, идя из ванной в спальню, он не заметил бы у стены возле входной двери книжку.

«Эвангелина Ковальска. „Он пришел к ней во сне“», – прочел Артем на бумажной обложке, где была изображена красивая брюнетка, в задумчивости сидящая перед горящим камином.

– Та-ак... – протянул он, – и что бы это могло значить?

На ум приходило лишь одно объяснение: любовный роман, который читает его временная домработница...

Артем поудобнее устроился в постели. Повернул книгу так, чтобы на нее падал свет от лампы, стоящей на прикроватной тумбочке, и принялся перелистывать страницы. Он был уверен, что не прочтет и нескольких абзацев, но неожиданно для себя увлекся.

Это была сказка, которую взрослая девушка или женщина писала для таких, как она сама. Местами чуть наивная, местами очень трогательная, местами и вовсе фантастическая, но бесконечно красивая во всем, что касается интерьеров, внешности главных героев, их взаимоотношений, как, впрочем, и надлежит быть сказке. Однако Артем уловил главное, и это был отнюдь не сюжет. В книге говорилось о том, каким хочет видеть женщина своего избранника. «Судя по всему, именно вымышленный мир, столь далекий от реальной действительности, делает эти книжки столь притягательными для представительниц женского пола», – подумал он.

Как мужчины иной раз отождествляют себя с каким-нибудь супергероем из боевика или знаменитым футболистом, забившим решающий мяч в решающем матче, так и женщины хотят видеть себя безупречными красавицами с тонко чувствующей душой и любящим сердцем, которым счастье в конце концов непременно улыбнется.

«Бедняжки, – вздохнул Артем, имея в виду прежде всего Лину. – Грустно, когда красивый эрзац заменяет настоящую жизнь. Но где же напасть на всех на вас рыцарей в сияющих доспехах?» Тут он вспомнил Маришечку, ее предшественниц и неожиданно подумал, что в их глазах он, скорее всего, выглядел совсем по-иному, нежели в глазах собственных. Наверное, достаточно эгоистичным и самовлюбленным. «Но они тоже не являли собой образец благородства и чистоты помыслов, – мысленно возразил Артем самому себе. – И уж наверняка за просто так, как Лина, печь мне пирожок ни за что бы не стали».

А почему он решил, что и его временной домработницей не движут тайные помыслы? Решил, и все тут. Прежде всего потому, что даже ежу должно было быть понятно: не светит ей тут ничего. Ни-че-го!

Артем даже удивился, с чего это вдруг так разволновался. Будто невидимая угроза нависла над его привычным образом жизни.

Кладя книжку на тумбочку, он увидел Мурку, сидящую перед ним на ковре и внимательно за ним наблюдающую.

– Помимо тебя, моя дорогая киска, никаких изменений в моей жизни в обозримом будущем не предвидится, – заявил он кошке, словно та пришла, чтобы спросить его именно об этом.

Мурка равнодушно зевнула, подобралась, как бы намереваясь запрыгнуть на кровать, но, услышав грозное «Я тебе!», повернулась и с высокомерным видом покинула спальню, грациозно проведя поднятым хвостом по дверному косяку, словно сделала хозяину ручкой...

Так уж получилось, что в последующие дни Артему с Линой не довелось свидеться. Он приходил поздно, засидевшись то на работе, то в компании приятелей, но Артем неизменно находил следы пребывания домработницы в квартире – идеальную чистоту и готовый ужин. И всякий раз ему становилось немного грустно. «Это все оттого, что скоро ее место снова займет фрекен Бок», – объяснял он причину своего состояния. Другой причины просто быть не могло.

Книжку Эвангелины Ковальской «Он пришел к ней во сне» Артем на следующий день утром положил на то самое место, где нашел. И больше он ее не видел. А когда им с Линой все-таки довелось встретиться – это случилось в среду на следующей неделе, – он впервые почувствовал себя неловко, когда соврал относительно фотографии на его письменном столе.

В тот вечер Артем снова предложил Лине выпить чаю. Атмосфера предыдущего чаепития так понравилась ему своей простотой и душевностью, что он решил еще раз испытать приятные ощущения.

Чтобы был повод, он купил небольшой торт, верхний слой которого состоял из законсервированных фруктов, и прямо с порога заявил, что Лина непременно должна разделить его с ним.

– Ты угощала меня яблочным пирогом собственной выпечки. Из меня же кулинар никудышный, поэтому я купил торт. Накрывай на стол!

Лина покраснела, ему хотелось бы думать, от удовольствия, и прошмыгнула в кухню. Когда Артем, раздевшись, вошел туда, на столе уже стояли чашки с блюдами, заварочный чайник и сахарница. А девушка сидела на стуле, чинно сложив руки на коленях. Но это только до того момента, как он сел к столу.

Лина тут же вскочила, засуетилась, нарезала торт, разложила его по тарелочкам и разлила по чашкам чай.

– Ну а теперь рассказывай, как вы тут с Муркой без меня жили, – сказал Артем.

Это чаепитие очень напоминало предыдущее, и он уж было подумал, а не превратить ли их в традицию, пока есть время.

Но тут Лина неожиданно спросила:

– Простите, Артем Николаевич, а кто та красивая девушка, фотография которой стоит на вашем письменном столе?

Он чуть не поперхнулся чаем, хотя обычно отвечал на этот вопрос без запинки, придав голосу проникновенности, а взгляду грусти.

– Это... это моя двоюродная сестра... но так уж получилось, что ее уже нет в живых... Такая вот печальная история. – Артем замолк и искоса взглянул на Лину.

Девушка от расстройства прикрыла рот ладонью, а на ее глаза тут же навернулись слезы.

– Такая молодая... такая красивая... – прошептала она. – Как же так?

– Да вот так, – ответил Артем, разводя руками и чувствуя себя последней свиньей. Оказалось, что не все равно, кому врешь.

Опасаясь, что Лина сейчас примется рыдать или, того хуже, расспрашивать, что же произошло с его безвременно почившей кузиной, он подсел ближе и обнял девушку за плечи. Выбившаяся из хвостика прядь волос шелковисто коснулась его щеки.

– Не расстраивайся... Это случилось уже давно... Я... я уже смирился с потерей... – Последнее, к слову сказать, было чистейшей правдой.

Лина шмыгнула носом и промокнула глаза бумажной салфеткой.

– Все равно жалко, – прошептала она.

– Еще как жалко, – согласился с ней Артем, вспомнив томные зовущие взгляды Маришечки, ее страстные поцелуи, обольстительную фигуру. – Но назад дороги нет, сама виновата...

– Что? Что вы сказали, Артем Николаевич? – встrepенулась Лина и широко распахнула глаза. – Я вас не понимаю...

Артем тряхнул головой и посоветовал себе впредь быть осмотрительнее. В один миг превратиться из достойного всяческого уважения молодого человека в легкомысленного вертопраха ему, даже в глазах незатейливой провинциалки, не хотелось. Более того, сильнее, чем когда-либо, Артему хотелось именно в ее глазах выглядеть благопристойно. Такой вот необъяснимый парадокс...

– Не обращай внимания, это я так, задумался, – ушел он от ответа. – А ты ешь торт, ешь. Или, может, он тебе не нравится?

– Очень нравится, – чуть улыбнулась Лина, улыбнулась так, как Артем любил, с ямочками на щеках, и он с удивлением понял, что очень не хочет убирать руку с ее плеча. Но как же тогда они будут продолжать есть торт?

Со вздохом отодвинувшись, Артем взял в руки чашку с чаем и постарался вернуть разговор в прежнее, лишенное подводных камней русло. Ему это удалось...

Когда стрелки часов показали без четверти девять, оба одновременно подумали о том, что пора заканчивать с чаепитием. Уже в прихожей девушка, помявшись и глядя в пол, робко спросила:

– Вы не станете возражать, Артем Николаевич, если я буду приходить к вам не через день, как мы договаривались, а чаще?

Не услышав сразу ответа, Лина подняла на него взгляд, в котором светилась такая надежда на его «да, конечно», что Артем даже удивился. Но времени для раздумий у него не оставалось.

– Ну разумеется, – пожал он плечами. – Если тебе так хочется...

– Мне так удобнее, – ответила Лина, ничуть не прояснив ситуации.

Позже, уже отходя ко сну, Артем опять задумался над ее просьбой. Неужели у молодой девушки нет больше других забот, кроме как убираться и готовить в доме постороннего человека? И о каком удобстве могла идти речь? Но никакого путного объяснения на ум ему не пришло. С другой стороны, как ни пытался, Артем не мог заподозрить Лину в чем-то предосудительном.

Нет, он, конечно, не обладал способностями талантливого следователя или психоаналитика, чтобы с ходу проникнуть в тайные замыслы своей домработницы. Однако определенный жизненный опыт у него все-таки имелся, особенно в том, что касается общения с представительницами прекрасного пола. И внутренний голос подсказывал, что опасаться нет причин: ни ему самому, ни его благосостоянию ничто не угрожает. Так зачем Лине нужен доступ в его квартиру во внеурочное время?

– Ну, что скажешь? – привычно обратился он к Мурке. – Если бы Лина была плохим человеком, ты бы это почувствовала, не так ли, и не ластилась бы к ней? Говорят, у вас, у кошек, какое-то особенное чутье. Вы чуть ли не ауру человеческую видите.

Но Мурка не удостоила его ответом, сделав вид, будто что-то заинтересовало ее на потолке. Причем она с такой сосредоточенностью уставилась в одну точку, что Артем поневоле проследил за направлением ее взгляда. Уж не муха ли там, а то и того хуже – таракан!

Когда он, ничего не обнаружив, снова посмотрел на ковер перед кроватью, Мурки там уже не было. Не иначе как провела его, нахалка трехцветная!..

Глава 5

– Эвочка, милая, сколько раз вам повторять: «одевать куклу», но «надевать на руку». Неужели не ясно?

Антонина Захаровна Чудова восседала за своим редакторским столом, заваленным разномастными папками, стопками распечаток, книгами с пестрыми, лохматыми от времени закладками и массой безделушек и сувениров. И это помимо постоянно включенного компьютера, что красовался слева от нее.

Девушка, сидящая напротив, впритык к соседнему столу, за которым другая сотрудница редакции тщетно, с тоской во взоре что-то втолковывала по телефону своему невидимому собеседнику, послушно закивала. Ей казалось, что слова она употребляет правильно и высказанные замечания к ней не относятся, но возражать ни за что не отважилась бы. Кто она такая и кто Антонина Захаровна Чудова!

– И пожалуйста, не надо длинных фраз, по одной на целый абзац. Читательницы ведь не имеют возможности, сидя вечером в кресле, наслаждаться нашими произведениями. Метро, электрички, обеденные перерывы – вот время, когда нас читают. И тут не до хитросплетения слов, когда с первого раза не понять, в чем, собственно, смысл фразы.

Эвангелина опять закивала, хотя считала, что и так неукоснительно следует всем рекомендациям и наставлениям Антонины Захаровны, высказанным еще в предыдущие их встречи. Когда по электронной почте прислали сообщение о том, что ее роман готовы опубликовать, и не где-нибудь, а в самом «Аркадия-пресс», счастью девушки не было предела. Поэтому в издательство она шла с сердцем, замирающим от восторга и страха одновременно. Ее роман напечатают, и мама будет с гордостью показывать книгу всем родным и знакомым!.. Но ведь должны же быть и замечания, как же без них у начинающей писательницы!

Писательница – она уже мысленно примеряла это слово к себе и находила, что оно ей идет.

И Эвангелина поклялась, что будет в точности следовать всем указаниям, данным ей в редакции. Даже самым пустячным. Лишь бы иметь возможность и дальше идти по облюбованному ею пути...

Антонина Захаровна сразу же потрясла ее воображение, заставила относиться к себе с душевным трепетом и благоговением. Накрашенные яркой малиновой помадой губы иронично улыбались, тогда как острые глазки за стеклами очков, кучкующиеся возле острой переносицы, смотрели зорко и пронизательно. Подстриженные каре волосы соломенного цвета и челка, доходящая до самых бровей, еще больше привлекали внимание к скептическому взгляду мэтра своего дела.

– Я, милочка, некогда тоже написала пару романчиков, под псевдонимом разумеется, так что прекрасно знаю все тонкости профессии, – продолжила Антонина Захаровна.

Эвангелина, услышав признание редактора, и вовсе затаила дыхание, боясь пропустить хоть слово из ее уст.

– А теперь перейдем к вашей очередной рукописи... – Антонина Захаровна выдержала долгую паузу, в течение которой девушка чуть было не лишилась чувств от волнения. – Я готова рекомендовать ее к публикации, если, конечно, вы обязуетесь выполнять все мои...

«Обязуюсь, обязуюсь, обязуюсь! Все, что угодно!» – готова была выкрикнуть Эвангелина и тысячекратно подписаться под каждым своим словом. Она не помнила, дослушала ли Антонину Захаровну до конца или вскочила со стула и, прижав руки к груди, стала благодарить, когда та была еще на середине своей наставительной речи.

– Спасибо, большое вам спасибо, Антонина Захаровна! Можете не сомневаться, я все сделаю, как вы хотите...

– Не как я хочу, – перебила ее, снисходительно улыбаясь, редактор, – а как надо. Улавливаете разницу, Эвочка?

– Да-да, конечно! Я все понимаю! Простите, пожалуйста! – зачастила Эвангелина, испугавшись, что выказала себя поверхностной, легкомысленной девицей, не способной уразуметь, что ей говорят, с первого раза.

На ее счастье, зазвонил телефон на столе Антонины Захаровны, и та сняла трубку.

– Да, я слушаю, – медоточиво произнесла она, и минуту спустя ее взгляд стал какой-то отрешенный, даже затуманенный, словно голос на том конце провода поведал ей о чем-то приятном и никоим образом не связанным с производственными проблемами.

– Я могу идти? – робко спросила Эвангелина, которая так и осталась стоять с прижатыми к груди руками.

– Идите, Эвочка, идите. Если что, я вам позвоню, – одними губами произнесла Антонина Захаровна в сторону от трубки и сопроводила свои слова милостивым взмахом руки, будто давала понять об окончании аудиенции.

Чувствуя себя слоном в посудной лавке, несмотря на свой сорок четвертый размер, Эвангелина направилась к выходу. Она с облегчением перевела дыхание, только когда лабиринт из цветочных горшков с чахлыми растениями, шкафов, столов и стульев с кипами печатной и допечатной продукции в них и на них был счастливо преодолен и остался за закрытой дверью.

«А теперь – за работу! – мысленно приказала она себе. – Слова Антонины Захаровны „нельзя позволять читательницам забыть о тебе“ отныне станут моим девизом!»

Долетев как на крыльях до дому и ворвавшись в пустую квартиру, едва раздевшись и наплевав на то, что с утра во рту помимо чашки кофе не было маковой росинки, она открыла ноутбук и положила дрожащие пальцы на клавиатуру. Вскоре на экране появились слова: «Она не знала, как оказалась здесь, не помнила, ехала ли она на машине или добиралась сюда пешком, но предчувствие чего-то чудесного переполняло ее. Не оставалось места ни страху, ни сомнениям...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.